

ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦ МУРОМСКИХ БЛАГОВЕРНАГО И ПРЕПОДОБНАГО И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО БЛАГОВЕРНЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕФРОСИНИИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

Се убо в Русиистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавствуяи благоверный князь, яко поведашу[1], именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеческому, диявол всели[2] неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей яков же бе естеством, приходящим же людем являшеся своими мечты[3], яко же князь сам сядяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша, жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеву своему вся ключашаяся[4] ей, змии же неприязнивыи осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумешася. И рече жене си: «Мыслю, жено, но недоумею, что сотворити неприязни тому. Смерть убо не вем[5], каку нанесу на нь. Аще бо глаголет к тебе какова словеса, да вопросиши его лестию и о сем: вест ли сеи неприязнивыи духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси[6], нам поведавши, свободишися не токмо в нынешнем веке злаго его дыхания и сипения и всего скаредия[7], еже смрадно есть глаголати, но и в будущии век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши!»

Жена же мужа своего глагол в сердца си твердо приимиши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от днии неприязнивому тому змию прилетевшу к ней, она же добру память при сердца имей, глагол лестию предлагает к неприязни той, глаголя многия иныя речи, и по сих с почитием воспросив его хваля, рече бо, яко «многа веши[8], и веши ли кончину си[9], какова будет и от чего?» Он же неприязнивыи прелестник прельщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева[10] таину к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча!»[11]

Жена же, слышав такую речь, в сердца си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того повода князю мужеву своему, яко же рекл есть змий. Князь же то слышав, недоумешася, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча.

Имеяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра. Во един же от днии призва его к себе и начат ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть жене его. Князь же Петр слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще в нем беаше мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощешили да покажу ти Агриков меч?»

Он же хотя желание свое исполнити рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди вслед мене». И показав ему во олтарней стене межи камения скважню, в ней же лежаще мечь. Благоверный же князь Петр взял мечь той и прииде и повода брату своему. И от того дни искаше подобна[12] времени да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе[13] своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своей во храмину и виде брата своего сядяща у нея. И паки пошед от нея, встрече некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох бо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храме. Мне же, не косневшу ни камо[14] же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей и не свем чюждуся[15], како брат мой напредь мене обретется в храме у снохи моея?» Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своия храмины!»

Он же разуме быти пронырьству лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда семо прииде? Аз бо от тебе изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину и видех тя с нею сядяща и почюдихся[16], како напредь мене обретется. Приидох кепак семо, нигде же ничесо же помедлив, ты же, не вем како мя предтече[17], напредь мене zde обретется». Он же рече: «Никако же, брате, из храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своия никако же бе». Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия: да тобою ми ся кажет[18], аще не бых хотел убити его[19], яко непщуя тебе[20] своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никамо же иди, аз же тамо иду братися со змием, да негли божиею помощию убьен будет лукавый змий сей».

И взял мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и виде змия зраком аки брата си, и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и ударил его мечем. Змий же явися яков же бяше естеством и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело. И искаше во своем одержании[21] от мног врачей исцеления, и ни от единого получи. Слышав же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо вести, не бе бо сам мощен на кони седети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и послав синклит свой искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуюся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же; и вниде в дом и не бе кто бы его чюл; и вниде в храмину и зря видение чюдно: сядяше бо едина девица и ткаше красна[22], пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому без ушии и храму безо очию!» Юноша же тоя глагол не внят во ум, рече девици: «Где есть человек мужеска полу, иже zde живет?» Она же рече: «Отец мой и мати моя поидоша взаим[23] плакати, брат же мой иде чрез ноги в нави[24] зрети».

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси и глагола к девици: «Внидох к тебе и вижу тя делающую видех заецъ пред тобою скача и слышу от устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем[25], что глаголеши. Перьвое бо рече: «Нелепо есть быти дому без ушию и храму без очию». Про отца же твоего и матеръ рече, яко «идоша взаим плакати», брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети». И ни единого слова от тебе разумех». Она же глагола ему: «Сего ли не разумеши! Прииде в дом сии и в храмину мою вниде и виде мѧ сядящу в простоте[26]. Аще бы был в дому наю[27] пес и чюв ты к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и виде ты к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матеръ и брата, яко отец мой и мати моя идоста взаим плакати — шли бо суть на погребение мертвого и тамо плачют, и егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: сей есть заимованный плачь. Про брата же ты глаголах, яко отец мой и брат мой древолазцы суть, в лесе бо мед от деревия емлют. Брат же мой ныне на таковое дело иде, яко же лести на древо в высоту чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гоньзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Глагола ей юноша: «Вижу ты девице мудру сушу. Повеждь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра служаи ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Оструплени бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго свирепаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления от мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde многи врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, могл бы уврачевати». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачует, то князь мой даст ему имения много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеша князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех, да будет здрав!».

Юноша же той скоро возвратися ко князю своему и повода ему все подробну, еже виде и еже слыша от девицы. Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица».

И привезоша его в дом той, в нем же есть девица. И посла[28] к ней отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице, кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и возмет имения много». Она же не обинуяся[29] рече: «Аз есмь хотяи врачевати, но имения не требую от него прѧти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть[30] врачевати его».

И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица. Князь же Петр яко не брегии[31] словеси ея и помысли: «Како князю сушу древолазца дщи пояти себе жену?» И послав к ней рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю себе жену!»

Пришедше же реша ей слово то. Она же взем сосудеп, мал, почерпе кисляжди[32] своя и дунув на ню и рече: «Да учредят князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы, и един струп да оставит не помазан. И будет здрав!»

И принесоша к нему таковое помазание. И повеле учредити баню. Девицу же хотя во ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней со единым от слуг своих едино повесмо[33] лну, рек: «Аще сия девица хочет ми супруга быти мудрости ради и аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу[34] и порты и убрусецъ[35] в годину[36], в ню же аз в бани пребуду».

Слуга же принесе к ней повесмо лну и дав ей и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на пещь нашу и снем з гряд поленце, снеси семо». Он же послушав ея снесе поленьце. Она же отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленьца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сии утинок[37] от поленьца сего и шед даждь князю своему от мене и рци ему: в кий час се повесмо очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, ким сотчетца полотно его». Слуга же приносе ко князю утинок поленца и речь девицю сказа. Князь же рече: «Шед, рци девици, яко невозможно есть в такове мале древце и в такую малу годину сиеца строения сотворити!» Слуга же пришед сказа ей князю речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть человеку мужеска возраста в едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сотворити срачицу и порты и убрусецъ?» Слуга же отиде и сказа князю. Князь же удивлься ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазуя язвы и струпы своя. И един струп остави не помазан по повелению девицы. Изыде же из бани ничто же болезнено пострада. Наутрие же узре все тело здорово и гладко, разве единого струпа, иже бе не помазан по повелению девицы. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте пояти женою себе отечества ея ради[38] и посла к ней дары. Она же не прѧт.

Князь же Петр поеха во отчину свою, град Муром, здравствуяи. На нем же бе един струп, еже бе не помазан повелением девичим. И от того струпа начаша мнози струпы расходиться на теле его от перьваго же дни, в онь[39] же поехал во отчину свою. И бысть оструплен многими язвами, яко же бе и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. Яко же приспе в дом ея, со студом посла к ней, прося врачевания. Она же ни мало гневу подержав рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостью слово дав ей, яко имать пояти ю в жену себе. Сия же паки, яко же и преже то же врачевание дасть ему, еже преди писах. Он же вскоре исцеление получи и поят ю в жену себе. Таковою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей преступающе.

По малех же днех преди реченный князь Павел отходит от жития сего, благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду Мурому.

Княгини же его Февронии бояре его не любляху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ея ради, богу же прославляюще добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде к благоверному князю Петру навади[40] на ню, яко «от коегождо, — рече, — стола своего бес чину исходит: внегода бо стати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петр хотя ю искусити, повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же яко же обычай имейше, взем от стола в руку свою крохи. Князь же Петр прием ю за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

По мнозе же времени приидоша к нему бояре его, с яростию рекуще: «Хощем вси праведно служити тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще ли хощеши самодержець быти, да будет ти ина княгини, Феврония же, взем богатство доволно себе, отидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычай ни о чесом же ярости имея, не со смирением отвеща: «Да глаголита Февронии, и яко же речет, то да слышим».

Они же неистовии наполнившеся безстудиа[41] и умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И, егда уже быша весели, начаша простирати безстудныя своя глаголы, аки пси лающе, отнемлюще у святых божий дар, его же бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Февроние! Весь град и бояре глаголют тебе: даждь нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же яко единими усты реша: «Мы убо, госпоже, вей князя Петра хощем, да самодержествует над нами. Тебе же жены наша не хотят, яко господствуеши над ними. Взем богатство доволно себе, отидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просита, приимета. Аз же вам глаголю: дадите мне, его же аще вопрошу у ваю»[42]. Они же злии ради быша, не ведуще будущего, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою бес прекословия возмещи». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра!» Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мысли, яко аще не будет князь Петр, да поставят себе иного самодержцем: киждо бо от бояр во уме своем держаше, яко сам хощет самодержець быти.

Блаженный же князь Петр не возлюбил временнаго самодержества, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает, рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сей же блаженный князь по Евангелию сотвори: о держании своем яко уметы вмени[43], да заповеди божия не разрушит.

Они же злочестивии бояре даша им суды на реце, — быше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же плывуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженных княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, прием помысл от лукаваго беса, воззре на святую с помыслом. Она же, разумев злый помысл его, вскоре обличит и, рече бо ему: «Почерпи убо воды из реки сея с ею страну судна сего». Он же почерпел. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпел. И повеле паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слаждыши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече: «Сие едино естество женское. Почто убо свою жену оставя, чужия мыслиши?» Той же человек уведо, яко в ней есть прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брег. Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержавства гоньзнув?» Предивная же княгини Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творець и промысленик всему не оставит нас в нищете быти!»

На бреже же том блаженному князю Петру на вечерю[44] его ядь готовляху. И потче[45] повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония ходящи по брегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрие древие велие, имущее ветви и листвие».

Еже и бысть. Воставше убо утре обретоша тоя древца великое древие, имуще ветвие и листвие. И яко же уже хотяху рухло людие их вметати в суды со брега, приидоша же велможы от града Мурома, рекуще: «Господи княже! От всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое отечествие. Мнози бо велможа во граде погИБоша от меча, кииждо бо их хотя державствовать, самися убиша. И оставшии вси со всем народом молим тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, еже княгини Февронии господарствовать женами нашими, ныне же со всеми домы своими раби ваю есмы, и хошем и любим и молим, да не оставиши нас раб своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И бяху державствующе во граде том, ходяще во всех заповедех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем под их властью сущым, аки чадолубивый отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатства тленного щадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника. Град свой истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя[46] приемлюще, алчным насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напастей избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ея[47], умолиша бога да во един час будет преставление ея. И совет сотвориша, да будут положена оба во едином гробе, и повелеша учредить себе во едином камени два гроба, едину токмо преграду имуще меж собою. Сами же во едино время облекостася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же княгини Феврония нареченна бысть во иноческом чину Ефросиния.

В то же время преподобная Феврония, нареченная Ефросиния, во храм пречистыя соборныя церкви своими руками шияше воздух, на нем же бе лик святых. Непредобный же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней глаголя: «Сестро Ефросиние! Хочу уже отити от тела, но жду тебе, яко да купне отидем». Она же рече: «Пожди, господине, яко да дошью воздух во святую церковь». Он же вторицею посла к ней глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко третицею посла к ней, глаголя: «Уже бо хочу преставитися и не жду тебе». Она же остаточное дело воздуха того шьяше, уже бо единого святого риз не дошив, лице же нашив и воста и вотче[48] иглу свою в воздух и преверте нитию, ея же шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем[49]. И, помолившеся, предаста вкупе святыя своя душа в руце божий месяца июня в 25 день.

По преставлении же ея хотеста людие, яко да положен будет блаженный Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородици, Февронию же вне града в женъстем монастыри у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, рекуще, яко «во мнишестем образе неугодно есть положить святых в едином гробе». И учредиша им гробы особныя и вложыша телеса их в ня: святого Петра, нареченнаго Давыда, тело положиша во особый гроб и поставиша внутрь града в церькви святыя Богородици до утрия, святыя жефевронии, нареченныя княгини Ефросинии, тело положиша во особый гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго креста. Общый же гроб, его же сами повелеша истесати себе во едином камени, оста тощ[50] в том же храме Пречистыя соборныя церкви, иже внутри града.

На утрие же воставше людие и обретоша гробы их особныя тщи, в ня же их вложыста. Святая же телеса их обретошася внутрь града в соборной церкви пречистыя Богородица в едином гробе, его же сами себе повелеша истесати. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятушеся, тако и по честном ея преставлении: паки преложыша я во особныя гробы и паки разнесоша. И паки наутрии обретошася святии в едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святым их телесем и вложыста я в едином гробе, в нем же сами повелеша, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже с верою приришущ[51] к мощем их, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть убити летящаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женъстей главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел оси! Радуйся, Февроние, яко от бога имела еси дар в девъственей юности недуги целити! Радуйся, Петре, яко заповеди ради божия самодержавства волею отступи, еже не оставити супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину ночь малое древие велико возросте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении и в молитвах и в милостыни без гордости пожиста; тем же Христос дарова вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаета!

Но молит вы, о преблаженная супруга, да помолитесь о нас, творящих верою память вашу!

Да помянута же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах; неведый, аще инии суть написали, ведуще паче мене. Аще бо и грешен есмь и груб, но на божию благодать и на щедроты его уповаю и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотех вам ради вашего смиреннаго самодержавства и

преподобства по преставлении вашем венца плести и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте на небесех и венчани истинными нетленными венцы от общего владыки Христа. Ему же подобает всяка слава, честь и поклонение со безначальным его отцем купно и с пресвятым и благим и животворящим духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Источник. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Худож. лит., 1969. – С.454-463, 757 (прим.) – Сер. «Библиотека всемирной литературы». Подготовка текста «Повести...» и прим. Р.П.Дмитриевой.

Комментарий. Это произведение, созданное, по всей видимости, в XV в., в древнерусских рукописях, часто называется «Житием» или «Повестью о житии».

В поздних записях сохранилось устное предание о Февронии из села Ласково Рязанской области. Возможно, что автор повести о Петре и Февронии использовал какой-то из вариантов этой устной легенды.

Высказывались предположения, что под именем князя Петра надо подразумевать князя Давида Юрьевича, княжившего в Муроме с 1204 по 1228 г. (до него княжил старший брат его Владимир Юрьевич). Но существует и другое мнение — что прототипом Петра был муромский князь Петр, живший в начале XIV в., родоначальник бояр Овцыных и Володимировых.

Повесть о Петре и Февронии публикуется по списку первой редакции в рукописи, относящейся к концу XVI — началу XVII вв. (ГИМ, себр. Уварова, № 1056 (523), лл. 353-369 об.), исправления внесены по рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147, опубликованному М. О. Скрипилом в ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 225-246.

*

[1] как рассказывают;

[2] наслал;

[3] хитростями;

[4] случившееся;

[5] не знаю;

[6] узнаешь;

[7] осквернения;

[8] знаешь;

[9] свою;

[10] здесь: не думая, не предполагая;

[11] Агрик или Агрика — сказочный богатырь, обладавший несметным количеством оружия, среди которого у него был и меч-кладенец;

[12] подходящего;

[13] снохе;

[14] не задержавшись нигде;

[15] изумился;

[16] подивился;

[17] опередил;

[18] тобою мне показывается;

[19] чтобы не убил его;

[20] предполагая в нем тебя;

[21] княжестве;

[22] холст, полотно;

[23] займы;

[24] смерть;

[25] не понимаю;

[26] неприбранной;

[27] нашем;

[28] послал;

[29] без колебаний;

[30] нет смысла мне;

[31] не обратил внимания;

[32] хлебной закваски;

[33] пучок;

[34] рубашку;

[35] полотенце;

[36] время;

[37] обрубок;

[38] из-за ее происхождения;

[39] в который;
[40] наговорил;
[41] бесстыдства;
[42] вас;
[43] княжении свое за ничто почел;
[44] ужин;
[45] подрубил;
[46] странников;
[47] их;
[48] воткнула;
[49] совместном, одновременном;
[50] пустой;
[51] припадают.